

САНКТ–ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет
Кафедра классической филологии

Демидова Полина Анатольевна

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ФЕОКРИТА В III И IV БУКОЛИКАХ ВЕРГИЛИЯ

Выпускная квалификационная работа
бакалавра филологии

Научный руководитель: ст. преп. Т. Б. Путилова

Рецензент: к. филол. н., доц. Д. В. Кейер

К защите допускаю

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Введение	3
Обзор использованной литературы.....	5
Глава 1. История буколической поэзии: от долитературной эпохи до Буколик Вергилия	7
Глава 2. Сравнительный анализ Буколик и Идиллий.....	12
Часть 1. Буколика 3	12
Часть 2. Буколика 4	41
Заключение	45
Список литературы	46

Введение

Вергилий был первым римским поэтом, писавшим Буколики. Он был отчасти новатором, потому что прошло много времени с тех пор, как написал свои Идиллии Феокрит. Но несмотря на то, что гений Вергилия был ещё молод, а страну изнуряли бесконечные гражданские войны, это не помешало ему по праву занять своё место среди поэтов-авторов пасторали. Разумеется, он писал свои Буколики, обращаясь к литературе как греческой (Феокрит, Бион, Мосх и др.), так и римской¹ (Плавт, Теренций и др.), но многое в них было индивидуально, уникально. Заимствования же перерабатывались, изменяя свою форму и значение, чтобы служить поэту в его целях.

Основной целью данной работы было проследить влияние Идиллий Феокрита на две Буколики – III и IV. В основе Третьей Буколики лежит Пятая Идиллия, прослеживается связь и с другими. Четвёртая же практически не имеет отсылок к Феокриту. Это связано с самим её содержанием. До сих пор нет однозначного решения по поводу того, кому была посвящена эта Буколика. В разное время предлагались разные версии: сыну Азиния Поллиона, будущему ребёнку Октавиана и Скрибонии, Марку Марцеллу, сыну сестры Октавиана, даже Иисусу Христу². С первых строк читатель понимает, что эта поэма не будет похожей на остальные, она будет особенной, другой по тону и содержанию.

Для того, чтобы увидеть и оценить влияние Феокрита на эти две Буколики, необходимо было сначала узнать историю происхождения жанра, проследить его истоки. Затем нужно ознакомиться с творчеством самого

¹ Римская литература оказала влияние в основном на лексическую составляющую Буколик. Например, фраза «*dic mihi*», открывающая Третью Буколику, часто использовалась Плавтом и Теренцием, как вводная при вопросе (Clausen, 86).

² Дуров, В. С. История римской литературы. СПб, 2000. С. 123

Феокрита и комментариями, которые дают к нему исследователи. Тогда можно приступить к чтению и переводу самих Буколик. Важно также узнать, какие исследователи комментировали Буколики Вергилия, отмечали ли они сходства с Идиллиями. После того, как будет изучен весь имеющийся материал, можно приступить непосредственно к собственному сравнению.

Обзор использованной литературы

Издание произведений Феокрита, подготовленное Роджером Колмели в 1901 году, было использовано в качестве основного. Оно было выбрано потому, что автор при подготовке текста опирался не на предшествующие издания, а на манускрипты, предлагая в некоторых местах собственные конъектуры. Однако Колмели по этическим соображениям опустил некоторые строки из Пятой Идиллии (41-42), поэтому в данном исследовании они приводятся по изданию, подготовленному Нейлом Хопкинсоном в 2015 году. Все отрывки из Третьей и Четвёртой Буколик Вергилия приведены по подготовленному Сильвией Оттавиано изданию 2013 года. Оно учитывает все предшествующие конъектуры и разночтения.

В процессе исследования были использованы комментарии как античных, так и современных учёных. Источником античных комментариев к Феокриту послужили Схолии к нему. Некоторые из них были написаны в Византийский период, однако большинство – античные, датируемые эпохой Августа³. В ходе работы было использовано издание Схолий, выпущенное Карлом Венделом в 1914 году. Также в работе были использованы комментарии латинского грамматика Мавра Сервия Гонората к Вергилию.

Подготовленное Эндрю Гоу в 1950 году двухтомное издание, включающее в себя текст, перевод и комментарии к произведениям Феокрита, использовалось в качестве источника комментариев к данному автору. Оно было выбрано как самое полное, учитывающее все известные на момент написания разночтения и конъектуры. В ходе подготовки автор работал как с предыдущими изданиями, так и с манускриптами.

³ Dickey, E. *Ancient Greek Scholarship*. Oxford, 2007. P. 104

В качестве современных комментариев к Вергилию были использованы работы трёх учёных: Венделла Клаузена, Роберта Коулмана и Джона Конингтона. Книга, выпущенная Конингтоном, является самой ранней из трёх представленных – она была издана в 1865 году. Два других автора в своих работах ссылаются на комментарии, сделанные Конингтоном, поэтому необходимо было ознакомиться с его работой, чтобы дополнить проводимое исследование. Книга, выпущенная Робертом Коулманом в 1977 году. Она охватывает весь доступный на момент написания материал. Автор пишет о том, что стремился учесть весь материал, необходимый, на его взгляд, для понимания и правильной оценки Буколик Вергилия. Книга имеет длинное, но очень информативное вступление, разделённое на четыре части и содержащее информацию о развитии пасторали до Вергилия, хронологию написания Буколик и описание вклада, внесённого Вергилием в пасторальный жанр. Последняя книга, написанная Венделлом Клаузеном, вышла в 1994 году. Она имеет относительно небольшое вступление, в котором содержится краткая характеристика пасторального жанра и инноваций, привнесённых в него Вергилием. Кроме того, автор предваряет комментарии к Буколикам небольшими предисловиями, помогающими уточнить исторический контекст написания.

Для уточнения исторического и жанрового контекста произведений использовались труды по истории греческой и римской литературы, а также предисловия исследователей к подготовленным ими изданиям Идиллий и Буколик.

Глава 1. История буколической поэзии: от долитературной эпохи до Буколик Вергилия

До сих пор ведутся споры относительно того, кто был основоположником, создателем жанра пасторали. Скорее всего, пастухи пели свои песни во время работы ещё до появления литературы⁴. Сложно сказать, насколько древним является жанр, но уже у Гомера в Илиаде упомянут мальчик, который играет на лире в виноградном саду⁵. Кроме того, есть упоминания о существовании плачей по Дафнису и Адонису, которые, по видимому, являлись представителями устной буколической традиции⁶. Однако, не обнаружены доказательства того, что эта поэзия записывалась. Как пишет Пол Харви⁷, пасторальная поэзия зародилась на Сицилии. Согласно мифологии, её создание приписывается Дафнису⁸, сицилийскому пастуху, сыну Гермеса и нимфы.

Та часть пасторальной поэзии, которая появилась в литературную эпоху, создавалась, вероятнее всего, под влиянием трёх основных источников вдохновения. Один из них – меланхолия, которую ощущали люди с приходом осени. Увядание природы настраивало их на особый лад. Вторым источником вдохновения была любовь, особенно безответная.

⁴ P. Vergili Maronis Bucolica / Ed. A. Sidgwick. Cambridge, 1901. P. 7

⁵ (Hom. II. 18.569-571) τοῖσιν δ' ἐν μέσσοισι πάϊς φόρμιγγι λιγείῃ ἱμερόεν κithάριζε, λίνον δ' ὑπὸ καλὸν ἄειδε λεπταλέῃ φωνῇ.

Перевод: «Среди них мальчик на лире сладкозвучной приятно играл, красиво пел тонким голосом под льняные струны»

⁶ Sidgwick, A. Loc. cit.

⁷ Sir Paul Harvey, The Oxford Companion to Classical Literature. Oxford, 1937. P. 82.

⁸ По версии, приписываемой Стесихору и изложенной в поэме «Дафнис», ослеплённый нимфой, которая любила его, и которой он не был верен, Дафнис провёл жизнь, сочиняя плачи, посвящённые его несчастливой судьбе. Эти плачи положили начало пасторальной поэзии.

Подтверждением этому может служить важность этого мотива в пасторалиях. Третьим источником вдохновения можно считать сельские беседы.⁹

Первым поэтом, положившим начало пасторали как жанру, принято считать Феокрита, жившего в III веке до нашей эры. Хотя, разумеется, и до него прослеживается определённый интерес к буколическим мотивам. Например, в упомянутом выше отрывке из Илиады и у Стесихора, поэта VI-V веков до нашей эры. Хотя, кроме названия, ничего о «Дафнисе» Стесихора не известно, Макейл утверждает, что именно этого героя упоминает впоследствии Феокрит, а затем и Вергилий¹⁰. Есть и другие ранние упоминания о пастухах, которые появляются в Идиллиях и Буколиках. Например, комедиограф Эпихарм, тоже сицилиец, дважды упоминает Дромоса¹¹, пастуха и изобретателя пасторального пения (βουκολιασμός). Пастухи Дафнис и Меналк упомянуты элегиком Гермесианактом в эротических сценах¹², а поэт Ликофрон описывает в поэме влюблённого пастуха¹³. История Полифема и Галатее также является одним из мотивов, предшествовавших пасторали. Образ Полифема есть в Илиаде, в Киклопе Еврипида. Однако, важнее всего в рассматриваемом контексте – дифирамб, написанный поэтом Филоксеном. Именно в этом дифирамбе представлена история любви Полифема к Галатее¹⁴. Стоит отметить, что образ Полифема был переработан Филоксеном на пасторальный лад.

⁹ DeVeau, F. J., *The Bucolics of Vergil*. New York, 1935. P. xv-xvi.

¹⁰ Mackail, J. W. *Lectures on Greek Poetry*. London, 1910. Pp. 211-212.

¹¹ *Comicorum Graecorum Fragmenta*, vol. VI fasc. 1 / Ed. G. Kaibel. Berlin, 1849. P. 91, 110.

¹² *Schol. in. Th.*, VIII.55

¹³ *Athen.*, XV.670e

¹⁴ *Ibid.*, I.6ef

Хотя отдельные элементы пасторали и встречались ранее, лишь в творчестве Феокрита жанр обрёл свою форму и стал классическим¹⁵. Есть предположение, что пастораль приобрела популярность в связи с определёнными событиями греческой жизни. Со смертью Филемона в 262 году умерла и греческая комедия. Последующие произведения, копируя работы предшественников, находили малый отклик у образованного и критически настроенного читателя, умудрённого наукой и историей. Буколическая же поэзия, свою очередь, подкупала образами идиллической сельской жизни, давая читателю отдых от учёных поэм.¹⁶ Помимо этого был и другой фактор, способствовавший популярности жанра, – урбанизация населения. Многие из пожилых людей, переехавших в города, жили прежде на фермах, в деревнях. Они не могли не чувствовать тоски по родным местам среди шумного города¹⁷. Мотивы пасторальной поэзии могли вызывать в них желание вернуться к прежней жизни.

Необходимо упомянуть также, что хотя сейчас Феокрит считается основоположником жанра, уже в античности существовало как минимум три теории происхождения пасторали. О них говорится в Прологоменах схолий к Феокриту¹⁸. Согласно одной из них, пастораль зародилась в Лакедемонии во время Персидских войн. Из-за страха перед нападениями врагов девушки, которые обычно пели на празднике Артемиды Кариатиды, спрятались, и их песню пришлось исполнить крестьянам. Вторая версия связана с очищением Ореста после убийства Клитемнестры. Когда он привёз статуэтку Артемиды на Сицилию, местные жители сочинили в честь божества гимны, которые и стали первыми пасторалями. Третья версия – названная в Прологоменах

¹⁵ Mackail, J. W. Op. cit. p. 210.

¹⁶ Durant, W. The Life of Greece. New York, 1939. p. 609.

¹⁷ Durant, W. Loc. cit.

¹⁸ Schol. in. Th., Prolegomena, B a

«ἀληθῆς λόγος» – заключается в следующем: в Сиракузах после подавления восстания, сгубившего многих граждан, когда большинство пришло к согласию, было решено, что это Артемида всех примирила. Жители несли дары и, радуясь, воспевали богиню. Затем для этих песен были выбраны время и место. Так, согласно третьей версии, появилась первая пастораль. Стоит отметить, что все теории объединяет связь с культом Артемиды, которая видна и в Идиллиях, и в Буколиках.

Существуют и более современные теории возникновения пасторали. Одна из них предполагает развитие жанра из культовых песен, она наиболее близка к античным¹⁹, хоть и не объясняет появления таких особенностей, как амебейное пение и любовные песни. Вторая подразумевает, что буколическая поэзия создавалась на основе песен, которые пели пастухи в то время. Однако она не объясняет заимствования литературных моделей, которое было описано выше²⁰. И третья, представляющаяся наиболее правдоподобной, заключается в том, что пастораль развилась из другого жанра, мима²¹.

У Феокрита не было прямых последователей, поэтому после его смерти буколический жанр пришёл в упадок²². Лишь спустя некоторое время два греческих поэта – Бион Смирнский и Мосх Сиракузский – продолжили его

¹⁹ Reitzenstein, R. Epigramm und Skolion. Giessen, 1893. P. 193-194.

²⁰ Herford, C. H. Spenser's Shepherds Calendar. London, 1914. P. xxxiii.

²¹ Радциг так определяет жанр мима: «короткие сценки, монологи или диалоги, которые разыгрывались актерами в домашней обстановке или на улицах, во время пирушек или в перерывах между состязаниями». Придание литературной формы жанру приписывается Софрону (V в. до н. э.). Он писал прозаические мимы, от которых сохранились только фрагменты, седи которых – такие названия как «θυννοθήρας» («Ловец тунца») и «ὀλεῦς τὸν ἀγροιώταν» («Рыбак против крестьянина»). Радциг также отмечает сходство произведений Феокрита с творчеством Геронда, писавшего так называемые «мимиямбы» - мимы, написанные холяимбами (Радциг, 278, 408; названия мимов взяты по следующему изданию: Ahrens, H. L. De Graecae Linguae Dialectis. Vol. II. Gottingae, 1839. P. 464).

²² Mackail, J. W., Op. cit. 235

традицию, однако их произведения далеки от творчества Феокрита. Макэйл характеризует Биона как «искусного ремесленника», но называет его поэзию «не представляющей ценности»²³. Мосх, по мнению Макэйла, жертвует изящностью и совершенством формы в пользу сентиментальности («sweetness») содержания.

Буколический жанр переживает самое настоящее возрождение в творчестве Вергилия. До него римская литература не знала пасторали. Мастерство Вергилия ценится так высоко, что его называют «римским Феокритом»²⁴.

²³ Mackail, J. W., *Loc. cit.*

²⁴ De Veau, F. J. *Op. cit.*, xviii

Глава 2. Сравнительный анализ Буколик и Идиллий

Часть 1. Буколика 3

В основу третьей Буколики Вергилия легла пятая Идиллия Феокрита. Однако, можно отметить также заимствования из других Идиллий – первой, третьей, четвёртой и восьмой²⁵. Ниже будут представлены и прокомментированы выявленные сходства с указанием номеров Идиллий.

Verg., 3.1-2

Menalcas 1 Dic mihi, Damoeta, cuium pecus? an Meliboei?

Damoetas 2 Non, verum Aegonis; nuper mihi tradidit Aegon.

Скажи мне, Дамет, - чей скот? Мелибея?

Нет, но Эгона; недавно мне его передал.

cf. Theocr., 4.1-2

Βάπτος 1 εἰπέ μοι ὦ Κορύδων, τίνας αἱ βόες; ἢ ῥα Φιλώνδα;

Κορύδων 2 οὐκ, ἀλλ' Αἴγωνος: βόσκειν δέ μοι αὐτὰς ἔδωκεν.

Скажи мне, Коридон, - чьи это коровы? Филонда?

нет, но Эгона. Передал мне их, чтоб я пас.

Феокрит часто использовал цезуру после четвёртой стопы в своих Идиллиях, вследствие чего она была названа буколической. Эта цезура даёт читателю дополнительную паузу, удобную для чтения гекзаметрических

²⁵ Авторство восьмой Идиллии ставится современными учёными под сомнение, однако, в данной работе она будет причислена к произведениям Феокрита.

поэм. Кроме того, эта цезура позволяет сделать акцент на важных словах. Эта пауза часто используется Вергилием в Буколиках. Также она есть и в приведённых выше примерах. Таким образом, у читателя есть возможность подготовиться перед произнесением вопроса.

Приведённые выше цитаты также схожи по конструкции. Фактически, Вергилий дословно переводит слова Феокрита. Любопытно то, что он не использует местоимение “cuius”, заменяя его прилагательным “cuium”. Есть две версии того, почему он делает такой выбор. Первая предполагает, что автор просто стремится избежать гомеотелевта. Вторая, более вероятная, заключается в подражании Плавту и Теренцию²⁶.

Verg., 3.3

Menalcas 3 Infelix o semper, ovis, pecus! ...

Ох, овцы! О, вечно несчастный скот!..

cf. Theocr., 4.13

Βάττος 13 δειλαῖαί γ' αὐται: τὸν βουκόλον ὡς κακὸν εὔρον.

*О, несчастные они! Сколь же плохого пастуха они
нашли себе.*

Начало следующей, третьей строфы Эклоги можно сравнить с началом тринадцатой строфы четвёртой Идиллии. Слово, означающее «стадо», вновь стоит перед буколической цезурой в обоих случаях: авторы стремятся подчеркнуть беду скота, чей новый пастух заботится только о себе, а не о

²⁶ Clausen, W. A Commentary on Virgil Eclogues. Oxford, 1994. P. 93.

стаде. Гоу считает, что слова Батта могут относиться как к Эгону, так и к Коридону²⁷. Меналк же стремится оклеветать Дамета.

Verg., 3.5-6

Menalcas 5 hic alienus ovis custos bis mulget in hora,
6 et sucus pecori et lac subducitur agnis.

Этот чужой пастух доит овец дважды в час,

Отнимается и сок у скота, и молоко у ягнят

cf. Theocr., 4.3

Βάττος 3 ἢ πᾶ ψε κρύβδαν τὰ ποθέσπερα πάσας ἀμέλγεις;

Или где-нибудь всех их тайно ближе к вечеру доишь!

В этих строках объясняется причина, по которой страдает стадо. В Идиллии Батт предполагает, что Коридон «тайком их под вечер всех доит». Меналк в Буколике говорит, что «пастух посторонний» доит овец дважды в час, чем не только вредит здоровью матерей, но вынуждает ягнят голодать. Вот почему владелец стада не должен нанимать непроверенных пастухов для присмотра за своим стадом.

Verg., 3.8-9

Damoetas 8 novimus et qui te, transversa tumentibus hircis,
9 et quo—sed faciles Nymphae risere—sacello.

²⁷ Gow, A. S. F. Theocritus. Cambridge, 1965. V. II, p. 80.

*Знали мы, и кто тебя, при том, что козлы искоса
поглядывали,*

И в каком – а лёгкие Нимфы смеялись – святилище.

cf. Theocr., 5.41-42

Κομάτας 41 Ἀνίκ' ἐπύγιζόν τυ, τὸ δ' ἄλγεες• αἱ δὲ χίμαιραι
42 αἶδε κατεβληχῶντο...²⁸

*В то время, как я тебя совращал, ты страдал.
Молодые же козы*

блеяли...

У обоих поэтов пастух попадает в смешное положение на глазах стада. Это вполне ожидаемо, ведь пастух проводит всё своё время вместе со стадом. Животные практически составляют для человека семью. Таким образом, ничего удивительного нет в том, что одни наблюдают за другими.

Verg., 3.10

Menalcas 10 Tum, credo, cum me arbustum videre Miconis...
Тогда, верю, когда видели, как я у Микона...

cf. Theocr., 5.112-113

Κομάτας 112 μισέω τὰς δασυκέρκος ἄλώπεκας, αἷ τὰ Μίκωνος
113 αἰεὶ φοιτῶσαι τὰ ποθέσπερα ῥαγίζοντι.

²⁸ Hopkinson, N. Theocritus, Moschus, Bion. Cambridge, 2015. P. 86.

*Я ненавижу пушистохвостых лисиц, которые по
Миконовым [виноградникам]*

*Вечно по вечерам, крадясь, собирают виноградные
гроздьа.*

Здесь Вергилий использует то же имя, что и его предшественник. Предположительно, это сделано для того, чтобы создать мир, приближенный к тому, в котором живут персонажи Феокрита.²⁹

Verg., 3.13-15

Damoetas 13 fregisti et calamos quae tu, perverse Menalca,
14 et cum vidisti puero donata, dolebas,
15 et si non aliqua nocuisses, mortuus esses.

*[Лук] ты сломал и стрелы, которые ты, дурной
Меналк,*

И когда увидел подаренными мальчику, горевал,

И если бы как-либо не навредил, помер бы.

cf. Theocr., 5.11-13

Κομάτας 11 τὸ Κροκύλος μοι ἔδωκε, τὸ ποικίλον, ἀνίκ' ἔθυσσε
12 ταῖς Νύμφαις τὰν αἶγα: τὸ δ' ὦ κακὲ καὶ τόκ' ἐτάκευ
13 βασκαίνων, καὶ νῦν με τὰ λοίσθια γυμνὸν ἔθηκας.

²⁹ Clausen, W. A Commentary on Virgil Eclogues. Oxford, 1994. P. 128.

Её мне Крокил отдал, пёстренькую, тогда, когда в жертву принёс

Нимфам козу; ты же, дурной, уже тогда растаял

Завистливо поглядывая, теперь же оставил меня голым, без последнего.

В Эклоге один из пастухов, сильно завидуя тому, что мальчик, Дафнис, получил в подарок лук и стрелы, отбирает их у мальчика и ломает. Это – отсылка к обвинениям Комата в адрес Лакона, якобы из зависти укравшего у него козью шкуру. Версия Вергилия выглядит более забавной, потому что Меналк – взрослый человек, и никто не ожидает от него подобного поступка. Эти два фрагмента похожи не только по содержанию, но и по форме. Вергилий, как и Феокрит, использует несколько союзов «и» для связи частей рассказа: эпизода с завистью – причиной для обиды – и самой обидой. Такое использование союзов помогает создать атмосферу реальной жизни и живой беседы.

Verg., 3.20

Menalcas 20 Tityre, coge pecus," tu post carecta latebas.

Титир, скот собери!" – ты скрывался за осокой

cf. Theocr., 3.1-3

[anonymos] 1 Κομάσδω ποτὶ τὰν Ἀμαρυλλίδα, ταὶ δέ μοι αἴγες

2 βόσκονται κατ' ὄρος, καὶ ὁ Τίτυρος αὐτὰς ἐλαύνει.

3 Τίτυρ' ἐμὶν τὸ καλὸν πεφιλαμένε, βόσκε τὰς αἴγας...

Воспою я сейчас Амариллис, мои же козы

Будут пастись на склонах, а Титир пусть их погоняет.

Титир, мною сильно любимый, попаси овец...

cf. Verg., 9.23-25

Lycidas 23 Tityre, dum redeo—brevis est via—pasce capellas,
24 et potum pastas age, Tityre, et inter agendum
25 occursare capro, cornu ferit ille, caveto.

Титир, пока я вертаюсь – дорога коротка – попаси коз,

И когда наедятся, отведи к водопою, Титир, и пока ведёшь,

Опасайся столкнуться с козлом, он бьёт рогом.

В этих отрывках вновь используется имя, соединяющее миры двух авторов. Позднее, в девятой Эклоге, Титир появится вновь. Его также попросят помочь присмотреть за стадом. Более того, Титиром зовут одного из основных персонажей Вергилия.

Verg., 3.25-27

Menalcas 25 aut umquam tibi fistula cera
26 vincta fuit? non tu in triviis, indocte, solebas
27 stridenti miserum stipula disperdere carmen?

Да была ли у тебя когда-либо свирель, воском

*Скреплённая? Не ты ли, неуч, на распутьях имел
обыкновение*

Визгливой дудкой портить несчастную песню.

Theocr., 5.5-7

Κομάτας 5 τὸ γάρ ποκα δῶλε Σιβύρτα
6 ἐκτάσα σύριγγα; τί δ' οὐκέτι σὺν Κορούδωνι
7 ἄρκεϊ τοι καλάμας αὐλὸν ποππύσδεν ἔχοντι;

Ты-то когда, раб

Сибирта

*Приобрёл сирингу? Это больше не доставляет
удовольствия –*

*тебе, играющему на тростниковой дудке, с
Коридоном посвистывать?*

Здесь пятая Идиллия Феокрита снова выступает в качестве модели для Эклоги Вергилия. Хотя контекст другой (в Идиллии Лакон обвиняет Комата в краже свирели, а в Буколике Меналк просто насмехается над Даметом), причина для насмешек остаётся прежней. Оба автора играют на различии в звучании между музыкальными инструментами своих героев³⁰.

Следующий пассаж (28-51) основан на восьмой Идиллии³¹, однако, некоторые его части можно соотнести с отрывками из других Идиллий.

³⁰ Подробнее о различии между упомянутыми музыкальными инструментами: West, M. L. *Ancient Greek Music*. Oxford, 1992. P. 113

³¹ Clausen, W. *A Commentary on Virgil Eclogues*. Oxford, 1994. P. 98.

Таким образом, сначала весь пассаж будет представлен и проанализирован в контексте восьмой Идиллии, а затем отдельные его части будут дополнительно соотнесены с прочими Идиллиями.

Verg., 3.28-51

Damoetas 28 Vis ergo inter nos quid possit uterque vicissim
29 experiamur? Ego hanc vitulam—ne forte recuses,
30 bis venit ad mulctram, binos alit ubere fetus—
31 depono: tu dic, mecum quo pignore certes.

Menalcas

32 De grege non ausim quicquam deponere tecum.
33 Est mihi namque domi pater, est iniusta noverca;
34 bisque die numerant ambo pecus, alter et haedos.
35 Verum, id quod multo tute ipse fatebere maius,
36 insanire libet quoniam tibi, pocula ponam
37 fagina, caelatum divini opus Alcimedontis;
38 lenta quibus torno facili superaddita vitis
39 diffusos hedera vestit pallente corymbos:
40 in medio duo signa, Conon, et—quis fuit alter,
41 descripsit radio totum qui gentibus orbem,
42 tempora quae messor, quae curvus arator haberet?

43 Necdum illis labra admovi, sed condita servo.

Damoetas

44 Et nobis idem Alcimedon duo pocula fecit,

45 et molli circum est ansas amplexus acantho,

46 Orpheaque in medio posuit silvasque sequentis.

47 Necdum illis labra admovi, sed condita servo:

48 si ad vitulam spectas, nihil est quod pocula laudes.

Menalcas

49 Nunquam hodie effugies; veniam, quocumque vocari

50 audiat haec tantum—vel qui venit ecce Palaemon

51 efficiam posthac ne quemquam voce lacessas.

Дамет

Хочешь ты, верно, чтоб между собой испытали мы,

*Кто из нас что может? Я вот эту корову – чтоб ты
вдруг не отказался,*

*она дважды ходит к подойнику, двоих телят кормит
выменем –*

*Ставлю. Ты скажи, при каком залоге ты со мной
состыжишься?*

Меналк

Я не осмелюсь никого из стада отдать в залог с тобой.

Ведь дома у меня отец и несправедливая мачеха;

Дважды в день пересчитывают оба скот, а один из них – козлят.

*Но то, что и сам ты признаешь более ценным,
[поставлю]*

Коль скоро вздумалось тебе быть безумным, кубки поставлю

Буковые – работу, гравированную божественным Алкимедонтом;

На них гибкая лоза, лёгким резцом выточенная поверх,

Обвивает грозди, рассыпанные на бледном плюще.

В середине – два изображения, Конон и – кем же был второй,

Который палочкой очертил всё небо для людей,

И сроки, которые жнец и сгорбленный пахарь имеют?

И пока ещё не поднёс я губ к ним, но храню секретно.

Дамет

И для нас тот же Алкимедонт два кубка сделал,

И лёгким аканфом обвил он ручки,

И Орфея поместил в центр, и леса, идущие следом.

И пока ещё не поднёс я губ к ним, но храню секретно:

*Если помотришь на корову мою, не за что будет
нахваливать кубки.*

Меналк

*Никак ты сегодня не сбежишь; Пойду, куда б ни
позвал.*

*Лишь послушает это... или тот, кто идёт. Смотри,
Палемон*

*Сделаю я, чтоб после этого никого ты голосом не
раздражал.*

[Theocr.], 8.11-27

Μενάλκας

11 χρήσδεις ὧν ἐσιδεῖν; χρήσδεις καταθεῖναι ἄεθλον;

Δάφνις

12 χρήσδω τοῦτ' ἐσιδεῖν, χρήσδω καταθεῖναι ἄεθλον.

Μενάλκας

13 καὶ τίνα θησεύμεσθ', ὅτις ἀμῖν ἄρκιος εἶη;

Δάφνις

14 μόσχον ἐγὼ θησῶ: τὸ δὲ θῆς ἰσομάτορα ἀμνόν.

Μενάλκας

15 οὐ θησῶ ποκα ἀμνόν, ἐπεὶ χαλεπὸς ὁ πατήρ μευ

16 χά μάτηρ, τὰ δὲ μᾶλα ποθέσπερα πάντ' ἀριθμεῦντι.

Δάφνις

17 ἀλλὰ τί μὰν θησεῖς; τί δὲ τὸ πλεόν ἐξεῖ ὁ νικῶν;

Μενάλκας

18 σύριγγ' ἄν ἐπόησα καλὰν ἐγὼ ἐννεάφωνον,

19 λευκὸν κηρὸν ἔχοισαν, ἴσον κάτω, ἴσον ἄνωθεν,

20 ταύταν κατθείην, τὰ δὲ τῷ πατρὸς οὐ καταθησῶ.

Δάφνις

21 ἦ μὰν τοι κήγῳ σύριγγ' ἔχω ἐννεάφωνον.

22 λευκὸν κηρὸν ἔχοισαν, ἴσον κάτω, ἴσον ἄνωθεν.

23 πρῶαν νιν συνέπαξ': ἔτι καὶ τὸν δάκτυλον ἀλγέω

24 τοῦτον, ἐπεὶ κάλαμός με διασχισθεῖς διέτμαξεν.

Μενάλκας

25 ἀλλὰ τίς ἄμμε κρινεῖ; τίς ἐπάκοος ἔσσεται ἀμέων;

Δάφνις

26 τῆνον πῶς ἐνταῦθα τὸν αἰπόλον ἦν καλέσωμες;

27 ᾧ ποτὶ ταῖς ἐρίφοις ὁ κύων ὁ φάλαρος ὑλακτεῖ.

Меналк

*Хочешь ты, чтоб мы выяснили [кто из нас сильнее]?
Хочешь ты сделать ставку?*

Дафнис

Хочу это выяснить, хочу сделать ставку.

Меналк

И что мы поставим, чтоб нас достойное было?

Дафнис

*Я поставлю бычка: ты же ставь ягнёнка, чтоб на
мать походил.*

Меналк

*Не поставлю ягнёнка никогда, так как строг отец у
меня*

Да и мать, они всех овец считают каждый вечер.

Дафнис

*Но что же ты поставишь? Что сверх того получит
победитель?*

Меналк

*Свирель красивую, которую сам я сделал,
девятиголосую,*

Белым воском покрытую поровну сверху и снизу.

*Её могу я поставить, то же, что отцу
принадлежит, – не поставлю.*

Дафнис

*Действительно, есть девятиголосая свирель и у
меня,*

Белым воском покрытая поровну сверху и снизу.

Только что её смастерил: всё ещё палец болит

*тот самый, который я поранил, расщепляя
тростник.*

Меналк

*Но кто же нас рассудит? Кто будет нашим
слушателем?*

Дафнис

А что, если нам позвать сюда вон того козопаса?

У которого собака в белых пятнах лает на козлят.

Это известный ритуал в пасторальной поэзии. Прежде, чем начнётся соревнование, участники делают ставки и выбирают того, кто рассудит их спор. Как и у Феокрита, в Эклоге один из пастухов предлагает животное из своего стада в качестве ставки и подговаривает второго сделать то же самое.

Однако второй отказывается поставить животное, потому что его родители очень внимательно следят за стадом и пересчитывают всех животных. Вместо этого он предлагает нечто, по его мнению, не менее ценное (два кубка у Вергилия, свирель у Феокрита). Однако у первого из пастухов есть точно такая же вещь, и потому она не может быть использована в качестве ставки. В конце концов, оставив вопрос со ставками нерешённым, пастухи переходят к выбору судьи.

Verg., 3.29-31

Damoetas 29 Ego hanc vitulam—ne forte recuses,
30 bis venit ad mulctram, binos alit ubere fetus—
31 depono.

*Я вот эту корову – чтоб ты вдруг не отказался,
она дважды ходит к подойнику, двоих телят кормит
выменем – ставлю.*

Theocr., 1.25-26

Αἴπολος 25 αἴγα δέ τοι δωσῶ διδυματόκον ἐς τρεῖς ἀμέλξαι,
26 ἃ δὺ ἔχοισ' ἐρίφως ποταμέλγεται ἐς δύο πέλλας...

*Дам я тебе козу, двойню родившую, трижды
подоить,*

*Которая, хоть и имеет двоих козлят, также доится
на два ведёрка.*

В этих строках можно проследить влияние первой Идиллии Феокрита, хотя контекст и является различным³².

Verg., 3.32-34

Menalcas 32 De grege non ausim quicquam deponere tecum.
33 Est mihi namque domi pater, est iniusta noverca;
34 bisque die numerant ambo pecus, alter et haedos.

Я не осмелюсь никого из стада отдать в залог с тобой.

Ведь дома у меня отец и несправедливая мачеха;

Дважды в день пересчитывают оба скот, а один из них – козлят.

[Theocr.], 8.15-16

Μενάλκας 15 οὐ θησῶ ποκα ἀμνόν, ἐπεὶ χαλεπὸς ὁ πατήρ μευ
16 χά μάτηρ, τὰ δὲ μᾶλα ποθέσπερα πάντ' ἀριθμεῦντι.

Не поставлю ягнёнка никогда, так как строг отец у меня

Да и мать, они всех овец считают каждый вечер.

Несмотря на то, что Феокритова «мать» трансформировалась в Вергилия в «мачеху», ситуация сохраняется. Мачеха в античной литературе зачастую была символом злодейства, таким образом через данного персонажа Вергилий стремится усилить эффект невозможности выбора такой ставки.

³² Coleman, R. Vergil. Eclogues. Cambridge, 1977. P. 112.

Verg., 3.38-39

Menalcas 38 lenta quibus torno facili superaddita vitis

39 diffusos hedera vestit pallente corymbos:

*На них гибкая лоза, лёгким резцом выточенная
поверх,*

Обвивает грозди, рассыпанные на бледном плюще.

Theocr., 1.29-31

Αἴπολος 29 τῷ περὶ μὲν χεῖλῃ μαρύεται ὑψόθι κισσός,

30 κισσὸς ἐλιχρύσῳ κεκοινμένος: ἅ δὲ κατ' αὐτὸν

31 καρπῷ ἔλιξ εἰλεῖται ἀγαλλομένα κροκόεντι.

На краю вьётся по верху плющ,

Плющ, перевитый бессмертником: под ним же

*Лоза обвивается, украшенная шафранно-жёлтыми
плодами.*

Хоть оба фрагмента и похожи, вряд ли Вергилий стремился добавить что-то к сказанному Феокритом. Более вероятно то, что он просто создал собственное описание кубка, держа в памяти строки из Идиллии. В отрывке Вергилия есть также одна важная особенность. Читатель может отнести аблатив “hereda pallente” к глаголу “vestit”, тогда данный аблатив следует считать инструментальным. Однако при ближайшем рассмотрении становится ясно, что этот аблатив, скорее всего, является локативом,

зависящим от “diffusos”. Учитывая этот факт, легче понять смысл отрывка и перевести его.

Verg., 3.43

Menalcas 43 Necdum illis labra admovi, sed condita servo.

И пока ещё не поднёс я губ к ним, но храню секретно.

Theocr., 1.59-60

Αἴπολος 59 οὐδέ τί πω ποτὶ χεῖλος ἐμὸν θίγειν, ἀλλ' ἔτι κεῖται

60 ἄχραντον.

И никогда ещё губа моя его не касалась, но лежит ещё

Незапятнанный

Несомненно, Вергилий помнил об этих строках из Феокрита, сочиняя свою Буколику.

Verg., 3.49-50

Menalcas 49 veniam, quocumque vocari

50 audiat haec tantum—vel qui venit ecce Palaemon

Пойду, куда б ни позвал.

Лишь послушает это... или тот, кто идёт. Смотри, Палемон

Theocr., 5.61-65

Λάκων 61 ἄλλα τίς ἄμμε
62 τίς κρινεῖ; αἴθ' ἔνθοι πόθ' ὁ βουκόλος ὧδ' ὁ Λυκώπας.
Κομάτας 63 οὐδὲν ἐγὼ τήνω ποτιδεύομαι: ἄλλα τὸν ἄνδρα,
64 αἰ λῆς, τὸν δρυτόμον βωστρήσομες, ὃς τὰς ἐρείκας
65 τήνας τὰς παρὰ τιν ξυλοχίζεται: ἔστι δὲ Μόρσων.

Но кто

же,

Кто нас рассудит? ах если б, пожалуй, прииѐл тот пастух, Ликоп.

Ничего мне от него не нужно: но вот того мужа,

Если хочешь, дровосека можем позвать, который кустарники

Те, что рядом с тобой, собирает: звать его Морсоном.

[Theocr.], 8.25-27

Μενάλκας 25 ἄλλα τίς ἄμμε κρινεῖ; τίς ἐπάκοος ἔσσεται ἀμέων;
Δάφνις 26 τῆνον πῶς ἐνταῦθα τὸν αἰπόλον ἦν καλέσωμες;
27 ὧ ποτὶ ταῖς ἐρίφοις ὁ κύων ὁ φάλαρος ὑλακτεῖ.

Но кто же нас рассудит? Кто будет нашим слушателем?

А что, если нам позвать сюда вон того козопаса?

У которого собака в белых пятнах лает на козлят.

После прочтения строк Вергилия создаётся ощущение, что Меналк сперва хочет пригласить в качестве судьи определённого человека³³, но позже решает, что любой судья ему подойдёт. Вероятно, он уверен в своей победе. Напротив, у Феокрита в пятой Идиллии Комат отказывается принимать кандидатуру Ликопа на роль судьи и предлагает дровосека Морсона. Примечательно то, что Комат выигрывает состязание.

С другой стороны, в восьмой Идиллии Феокрита оба персонажа – Дафнис и Меналк – не заботятся о том, кто именно будет судить их состязание, и выбирают ближайшего к ним козопаса.

Verg., 3.52

Damoetas 52 Quin age, si quid habes.

Что ж, начинай, если есть, что сказать.

Theocr., 5.78

Λάκων 78 εἶα λέγ' εἴ τι λέγεις.

Говори же, если есть, что сказать.

Фраза, произнесённая Даметом, включает в себе некоторую долю вызова, как если бы Дамет сомневался в том, что Меналку найдётся, что сказать. Кроме того, несмотря на эту фразу, в итоге состязание открывает Дамет (после реплики Палемона). Вероятнее всего, в качестве формулы для этого вызова была использована цитата из пятой Идиллии Феокрита.

³³ Conington, J. Publi Vergili Maronis Opera. London, 1865. P. 42.

Verg., 3.62

Menalcas 62 Et me Phoebus amat.

И меня Феб любит.

Theocr., 5.82

Λάκων 82 καὶ γὰρ ἔμ' Ὀπόλλων φιλέει.

Ведь и меня Аполлон любит.

Эта фраза Вергилия – вероятнее всего, прямой перевод цитаты из пятой Идиллии Феокрита. Однако, нельзя не отметить того, что обмен репликами у Феокрита выстроен более изящно, чем у Вергилия³⁴: на фразу Комата “ταὶ Μοῖσαί με φιλεῦντι πολὺ πλέον ἢ...” («Музы любят меня намного больше, чем...») Лакон отвечает “καὶ γὰρ ἔμ' Ὀπόλλων φιλέει μέγα” («Ведь и меня Аполлон любит сильно...»), тогда как у Вергилия Меналк говорит, что “et me Phoebus amat” («...и меня Феб любит»), отвечая на высказывание Дамета о том, что “Ab Iove principium, Musae; Iovis omnia plena” («Музы, начнём с Юпитера! Всё наполнено Юпитером»).

Verg., 3.64-67

Damoetas 64 Malo me Galatea petit, lasciva puella,

65 et fugit ad salices, et se cupit ante videri.

Яблоком в меня Галатеея бросает, игривая девушка,

*И бежит к вербам, и хочет, чтоб я её прежде
увидел.*

³⁴ Coleman, R. Op. cit., p. 117.

Theocr., 5. 88-91

Κομάτας 88 βάλλει καὶ μάλοισι τὸν αἰπόλον ἃ Κλεαρίστα
89 τὰς αἴγας παρελᾶντα καὶ ἄδύ τι ποπυλιάσδει.

И яблоки бросает в пастуха Клеариста,

Коз гонящего мимо, и сладко что-то бормочет.

Theocr., 6.6-7

Author 6 βάλλει τοι Πολύφαμε τὸ ποίμνιον ἃ Γαλάτεια
7 μάλοισιν...

Смотри, Полифем, Галатея бросает в стадо

яблоки

Яблоко – это символ любви, поэтому, бросая яблоком в кого-то, человек заявляет о вполне определённых намерениях. Подобная сцена в произведении говорит о романтических чувствах, связывающих двух героев. В приведённых выше строках из Буколики и пятой Идиллии пастухи стремятся продемонстрировать с помощью сцен с яблоками свою успешность в любви. Вероятно, Вергилий при написании этих строк держал в памяти цитату из Феокрита, используя её в качестве образца. Интересно, что у Феокрита есть и другой эпизод, связанный с яблоками. В начале шестой Идиллии девушка бросает яблоки не в пастуха, а в его стадо. Это своего рода насмешка над невезучим в любви Полифемом.

Verg., 3.66

Menalcas 66 At mihi sese offert ultro, meus ignis, Amyntas.

И мне сам себя вдобавок предлагает, моё пламя,

Аминт

Theocr., 5.90-91

Λάκων 90 κῆμὲ γὰρ ὁ Κρατίδας τὸν ποιμένα λεῖος ὑπαντῶν
91 ἐκμαίνει.

Ведь что ж про меня, Кратид безбородый, приходя,

Пастуха [меня] сводит с ума.

Меналк хвастается тем, что его возлюбленный сам приходит к нему, тогда как девушка Дамета убегает от него и хочет, чтобы он её искал. Эти строки напоминают читателю об отрывке из Феокрита, где Лакон говорит о Кратиде, который приходит к нему сам, не нуждаясь в призыве.

Verg., 3.70-71

Menalcas 70 puero silvestri ex arbore lecta
71 aurea mala decem misi; cras altera mittam.

*Для мальчика с лесного дерева
снятых*

*Золотых яблок десяток послал; завтра столько же
пошлю.*

Theocr., 3.10-11

10 ἠνίδε τοι δέκα μᾶλα φέρω: τῆνῳθε καθεῖλον,
11 ὦ μ' ἐκέλευ καθελεῖν τύ: καὶ αὔριον ἄλλά τοι οἰσῶ.

*Взгляни-ка, я десять яблок тебе несу, оттуда нарвал
я,*

откуда велела мне взять ты: и завтра ещё принесу.

Как было упомянуто выше, яблоко – символ любви. Принести кому-то яблок и пообещать принести ещё – несомненное проявление сильной любви. Эта сцена, вероятно, была позаимствована Вергилием из третьей Идиллии.

Verg., 3.80-81

Damoetas 80 Triste lupus stabulis, maturis frugibus imbres.

81 arboribus venti, nobis Amaryllidis irae.

*Волк – горе для стад, дожди – для фруктов
созревших.*

Деревьям – ветра, а нам – гнев Амариллис.

[Theocr.], 8.57-59

Δάφνις 57 δένδρεσι μὲν χειμῶν φοβερὸν κακόν, ὕδασι δ' αὐχμός,

58 ὄρνισιν δ' ὑσπλαγξ, ἀγροτέροις δὲ λίνα,

59 ἀνδρὶ δὲ παρθενικᾶς ἀπαλᾶς πόθος.

Для деревьев страх – зима дурная, воде – засуха,

птицам – силки, диким зверям – капканы,

мужу же тоска – от нежной девушки.

У Феокрита Дафнис считает, что нежные красавицы представляют такую же угрозу для мужчин, как стужа для деревьев, засуха для потоков, а

силки и капканы – для птиц и зверей. Вергилий разрабатывает эту сцену, делая гнев конкретной девушки – Амариллиды – опасным для Дамета. Модель этой сцены, несомненно, заимствована из восьмой Идиллии.

Verg., 3.89

Damoetas 89 mella fluant illi

Мед потечёт для него...

Theocr., 5.126

Λάκων 126 ῥείτω χά Συβαρίτις ἐμὶν μέλι

Пусть потечёт Сибарис для меня мёдом

Хотя внешнее оформление этих двух цитат похоже, мёд имеет для авторов разное значение. Для Феокрита это лишь сладость, угощение, а для Вергилия – символ Золотого Века, который, по его мнению, наступит после рождения ребёнка (Эклога 4).

Verg., 3.94-97

Menalcas 94 Parcite, oves, nimium procedere; non bene ripae

95 creditur; ipse aries etiam nunc vellera siccatur.

Damoetas 96 Tityre, pascentes a flumine reice capellas:

97 ipse ubi tempus erit, omnis in fonte lavabo.

Опасайтесь, овцы, слишком далеко убежать: не хорошо берегу

Доверять; сам козёл не просушил ещё шерсти.

Τιτιρ, πασυυιχся коз отгони от реки:

Сам, как будет время, всех в источнике вымою.

Theocr., 5.100-104

Κομάτας 100 σίττ' ἀπὸ τᾶς κοτίνω ταὶ μηκάδες: ὧδε νέμεσθε,
101 ὡς τὸ κάταντες τοῦτο γεώλοφον αἶ τε μυρῖκαι.
Λάκων 102 οὐκ ἀπὸ τᾶς δρυὸς οὔτος ὁ Κώναρος ἄ τε Κιναίθα;
103 τουτεῖ βοσκησεῖσθε ποτ' ἀντολάς, ὡς ὁ Φάλαρος.

*Эй! [отойдите] от дикой оливы, козочки! Вон там
паситесь,*

где пологий склон и тамариски.

[отойдите] от деревьев, Конар и Кинайта!

Здесь паситесь, на востоке, где и Фалар.

Эта сцена очень трогательна. Она основана на подобном эпизоде из Феокрита, однако Вергилий перерабатывает сюжет, добавляя ощущение опасности. Если в Идиллии пастухи просто окликают своих коз, призывая вернуться к остальному стаду, то в Буколике непослушание овец может привести не только к мокрой шерсти, но и к более печальным последствиям. В то же время, в этих сценах раскрывается забота пастухов о своём стаде, их привязанность к подопечным.

Verg., 3.97

Damoetas 97 ipse ubi tempus erit, omnis in fonte lavabo.

Сам, как будет время, всех в источнике вымою.

Theocr., 5.145-146

Κομάτας 145 αἴγες ἐμαὶ θαρσεῖτε κερούτιδες: αὔριον ὕμμε
146 πάσας ἐγὼ λουσῶ Συβαρίτιδος ἔνδοθι λίμνας.

Козы мои, ободритесь, рогатые! завтра вас

всех я искупаю в пруду Сибаритском.

В данном отрывке из Феокрита имеется разночтение: предлагается вариант “κράνας” вместо “λίμνας.” Вергилий, предположительно, мог знать об этом разночтении³⁵.

Verg., 3.101

Damoetas 101 Idem amor exitium est pecori pecorisque magistro.

Любовь – есть равная гибель скоту и его пастуху.

[Theocr.], 8.47-48

Δάφνις 47 αἰ δ' ἂν ἀφέρπη

48 χὼ τὰς βῶς βόσκων χαὶ βόες αὐότεραι.

и если уйдёт,

и пасущий быков, и быки иссыхают.

Идея скота, страдающего вместе с пастухом, заимствована Вергилием из восьмой Идиллии Феокрита. Как уже говорилось выше, пастухи проводили

³⁵ Clausen, W. A Commentary on Virgil Eclogues. Oxford, 1994. P. 114.

практически всё своё время вместе со стадом, поэтому можно предположить, что животные действительно могли улавливать эмоции и настроение своего пастуха.

Verg., 3.102

Menalcas 102 His certe neque amor causa est; vix ossibus haerent.

У этих точно и не любовь – причина, едва висят на костях!

Theocr., 4.15-16

Βάπτος 15 τήνας μὲν δὴ τοι τᾶς πόρτιος αὐτὰ λέλειπται

16 τῶστία.

От вон той-то коровы остались только кости.

Вергилий наверняка держал в памяти эту цитату из четвертой Идиллии при написании своих строк.

Четвёртая эклога выделяется среди остальных. Она – одна из «самостоятельных» эклог Вергилия. Само её содержание отлично от других. Уже в первых строках лирический герой заявляет о том, что будет петь вещи более возвышенные, чем рощи (*arbusta*) и низкорослые тамариски (*humiles myricaе*). Дальнейший сравнительный анализ наглядно продемонстрирует и другие особенности этой эклоги.

Verg., 4.2

[Anonymous] 2 Non omnis arbusta iuvant humilesque myricaе;

Не всем нравятся рощи и низкие тамариски

Theocr., 1.12-13

Θύρσις 12 τεῖδε καθίξας,

13 ὡς τὸ κάταντες τοῦτο γεώλοφον αἶ τε μυρῖκαι,

присаживайся здесь,

где вот этот покаты́й холм и тамариски

Тамариски для буколических поэтов – своего рода символ пасторального пейзажа. Так у Феокрита они – часть уютной атмосферы, располагающей к пению и игре на музыкальных инструментах. Для Вергилия это растение также связано с пастушьими песнями, он использует его как часть символического описания буколической поэзии, которая, как следует из представленной выше цитаты, доставляет удовольствие далеко не всем.

Verg., 4.10

[Anonymous] 10 casta fave Lucina: tuus iam regnat Apollo.

*Благоволи, чистая Луцина³⁶: ведь уж
царствует твой Аполлон.*

Theocr., 17.60-67

[Anonymous] 60 ἔνθα γὰρ Εἰλείθυιαν ἐβώσατο λυσίζωνον

61 ἼΑντιγόνας θυγάτηρ βεβαρημένα ὠδίνεσσιν:

62 ἢ δέ οἱ εὐμενέοισα παρίστατο, κὰδ δ' ἄρα πάντων

63 νωδυνίαν κατέχευε μελῶν: ὁ δὲ πατρὶ ἐοικῶς

64 παῖς ἀγαπητὸς ἔγεντο. Κόως δ' ὀλόλυξεν ἰδοῖσα,

65 φᾶ δὲ καθαπτομένα βρέφους χεῖρεςσι φίλησιν:

66 “Ὀλβιε κοῦρε γένοιο, τίοις δέ με τόσσον, ὅσον περ

67 Δᾶλλον ἐτίμησεν κυανάμπυκα Φοῖβος ἼΑπόλλων:

*Ведь там Илифию громко звала разрешающую
от бремени*

Дочь Антигона, отягчённая родовыми болями.

Благосклонная же богиня явилась к ней и во всё

Тело влила покой. Похожий на отца

³⁶ По всей видимости, имеется в виду Диана, а не Юнона (Servi Grammatici in Vergili Bucolica et Georgica Commentarii / Rec. G. Thilo. Leipzig, 1887. P. 45).

*Сын любимый родился. Кос же, увидев, громко
закричал*

*И сказал, взяв новорождённого ребёнка
нежными руками,*

*«Будь счастлив, сын! Ты должен почитать
меня столь же сильно, сколь*

*Окружённый тёмно-синим кольцом Делос чтит
Феб Аполлон.*

Появление Аполлона и Дианы было, по всей видимости, навеяно отрывком из 17 Идиллии, посвящённым рождению Птолемея II. Луцина – эпитет Дианы как покровительницы рожениц. Эта богиня отождествлялась с Илифией, упоминаемой Феокритом в приведённом выше отрывке греческой богиней деторождения.

Verg., 4.58-59

[Anonymous] 58 Pan etiam, Arcadia mecum si iudice certet,

59 Pan etiam Arcadia dicat se iudice victum.

*Даже Пан, если решит со мной состязаться
при судье-Аркадии,*

*Даже Пан назовёт себя побеждённым при
судье-Аркадии.*

Theocr., 11.22-23

[Anonymous] 22 φοιτῆς δ' αὖθ' οὐτῶς, ὅκκα γλυκὺς ὕπνος ἔχη με,

23 οἴχη δ' εὐθὺς ἰοῖσ', ὅκκα γλυκὺς ὕπνος ἀνῆ̃ με,

*Приходишь сюда ты тогда, когда сладкий сон
охватывает меня,*

*Уходишь же, прямо идя, когда сладкий сон меня
отпускает.*

Анафора у Вергилия, предположительно, появилась вследствие повреждений текста³⁷. Однако, Довер пишет о том, что такого рода симметрия была характерна для Феокрита и его последователей-буколических поэтов³⁸. Довер рассуждает также о том, что поэты классической эпохи избегали повторов, но зато их активно использовали для бытовых и ритуальных песен. Поэтому, вероятно, такая симметрия была привлекательной для Феокрита, а позже и для Вергилия.

³⁷ Coleman, R. Op. cit., p. 148.

³⁸ Sir Kenneth J. Dover, Theocritus. Selected Poems. Wauconda, 1994. P. xlvii.

Заключение

Обобщая всё вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

Истоки буколического жанра можно найти уже в самых ранних литературных произведениях. Постепенно развиваясь и заимствуя различные элементы из других жанров, он достиг наивысшей точки своего расцвета в творчестве Феокрита. Далее, после нескольких веков фактического забвения, пастораль переживает возрождение в Буколиках Вергилия.

Исследование Третьей и Четвёртой Буколик в контексте творчества Феокрита показало, что (1) Третья Буколика содержит множество как лексических, так и стилистических параллелей с Идиллиями и является классическим образцом пасторальной поэзии; (2) Четвёртая Буколика практически не имеет общих черт с творчеством Феокрита, так как, по словам самого Вергилия, «поёт вещи более возвышенные», чем простая сельская действительность.

Подводя итог сравнению, можно заключить, что степень влияния творчества Феокрита зависит от конечной цели, преследуемой Вергилием при создании каждой конкретной Буколики.

Список литературы

I. Издания авторов:

- Athenaeus. *Dipnosophistae*. Vol. I, III / Rec. G. Kaibel. Stutgardiae, 1962
- *Comicorum Graecorum Fragmenta*, vol. VI fasc. 1 / Ed. G. Kaibel. Berlin, 1849
- Homer. *Homeri Opera in five volumes* / Ed. D. B. Monro, T. W. Allen. Oxford, 1920
- *Idylls. Theocritus* /Ed. R. J. Cholmeley. London, 1901
- P. Vergilius Maro. *Bucolica* / Ed. S. Ottaviano. Göttingen, 2013
- *Scholia in Theocritum Vetera* / Rec. C. Wendel. Leipzig, 1914
- *Servi Grammatici in Vergili Bucolica et Georgica Commentarii* / Rec. G. Thilo. Leipzig, 1887
- *Theocritus. Moschus. Bion* / Ed. N. Hopkinson. Cambridge, 2015

II. Комментарии:

- Clausen, W. *A Commentary on Virgil Eclogues*. Oxford, 1994
- Coleman, R. *Vergil. Eclogues*. Cambridge, 1977
- Conington, J. *Publi Vergili Maronis Opera*. London, 1865
- Gow, A. S. F. *Theocritus*. Cambridge, 1965

III. Дополнительная литература:

- Ahrens, H. L. *De Graecae Linguae Dialectis*. Vol. II. Gottingae, 1839
- DeVeaue, F. J. *The Bucolics of Vergil*. New York, 1935
- Dickey, E. *Ancient Greek Scholarship A Guide to Finding, Reading, and Understanding Scholia, Commentaries, Lexica, and Grammatical Treatises, from Their Beginnings to the Byzantine Period*. Oxford, 2007
- Durant, W. *The Life of Greece*. New York, 1939
- Herford, C. H. *Spenser's Shepherds Calendar*. London, 1914

- Mackail, J. W. Lectures on Greek Poetry. London, 1910
- Reitzenstein, R. Epigramm und Skolion. Giessen, 1893
- Sidgwick, A. P. Vergili Maronis Bucolica. Cambridge, 1901
- Sir Kenneth J. Dover. Theocritus. Selected Poems. Wauconda, 1994
- Sir Paul Harvey. The Oxford Companion to Classical Literature. Oxford, 1937
- West, M. L. Ancient Greek Music. Oxford, 1992
- Дуров, В. С. История римской литературы. СПб, 2000
- Радциг, С. И. История древнегреческой литературы. Москва, 1982